THE NEW REVIEW

Новый Журнал

Основатели

М. АЛДАНОВ и М. ЦЕТЛИН

Шестнадцатый год издания

КН. XLIX

1957

Редактор М. М. КАРПОВИЧ

Секретарь редакции РОМАН ГУЛЬ

NEW REVIEW, March 1957.
Quarterly, No. 48. 49
2700 *Broadway, New York* 25, *N. Y.*
Publisher: New Review, Inc.
Subscription Price $7. — *for one year,*
Second Class Mail Privileges authorized
at New York, N. Y.

ОГЛАВЛЕНИЕ

КРИЗИС ТОТАЛИТАРИЗМА

В статье «К вопросу о советской эволюции»* я поставил вопрос: не проявляются ли в эволюции советской политики признаки кризиса тоталитаризма? Приведя несколько соображений в пользу этого предположения, я сделал вывод, что «по меньшей мере гипотетически» можно считать кризис тоталитаризма «одним из аспектов эволюции советской политики». Этот гипотетический вывод нуждается в развитии и более развернутом обосновании.

Прежде всего нужно ответить на предварительный вопрос: в каком смысле можно вообще говорить о кризисе такого явления как тоталитаризм? Может быть даже вообще поставить знаменитый вопрос маршала Фоша: в чем дело («de quoi s'agit-il»)? Говоря о тоталитаризме, я имею в виду не только идеологию или доктрину, но и их воплощение в жизнь — в виде тоталитарного государства с его тоталитарной организацией общественной жизни (включающей и контроль над личной жизнью граждан). О кризисе такой тоталитарной системы можно говорить в том случае, если она перестает функционировать так, как это нужно тоталитарной власти, если эта власть перестает добиваться всего того, чего она хотела бы добиться, в результате чего рано или поздно она должна осознать, что ей не по силам сохранять абсолютный контроль над всеми формами активности ее подданных. Согласно моей гипотезе, для советской власти такой период уже наступил. Мой основной тезис сводится к тому, что те условия, при которых возможно осуществление тоталитарной системы и которые существовали в России после революции 1917 года, с некоторого времени уже больше не существуют. Для обоснования этого тезиса нужно сначала рассмотреть вопрос о предпосылках, необходимых для реализации тоталитаризма.

В статье, написанной для «Итальянской Энциклопедии», Муссолини писал: «одна партия, которая тоталитарно правит нацией, есть новый факт в истории». С этим можно согласить-

* «Новый Журнал», кн. 48.

ся, но добавив то, о чем умолчал Муссолини, что этот «новый факт» впервые обнаружился не в Италии, а в России, и что только в России было осуществлено действительно тоталитарное управление государством. Тоталитарное государство — явление нового времени, и Россия, то-есть нынешний Советский Союз, является — по крайней мере в Европе — единственным случаем законченного, я бы сказал удавшегося, тоталитаризма в государстве и в обществе. Оба эти положения противоречат весьма распространенным представлениям, и потому требуют разъяснения.

Не буду повторять то, что я уже говорил в выше названной статье о современной технике, как необходимом условии, без которого тоталитарное государство немыслимо. Это, однако, игнорируется сторонниками того мнения, что всякая идеократия, включая теократию, по существу своему должна быть тоталитарной. Если власть находится в руках людей, убежденных в абсолютной истинности их веры или их идеологии, то от них естественно ожидать и абсолютную нетерпимость по отношению ко всякому инакомыслию. В истории можно найти достаточно примеров стараний спасать людей даже против их воли, стало быть посредством насилия. Но из этого можно только заключить, что идеократии имеют тоталитарные тенденции и тоталитарны по своим стремлениям. Для воплощения этих тенденций в государственной системе необходимы технические средства, которые появились в новейшее время. При отсутствии их остаются области жизни, в той или иной мере независимые от государственной власти. Это не значит, что в прошлом нельзя найти примеров осуществленного тоталитаризма. Но именно эти примеры не опровергают положения, что тоталитарное государство возможно только в наше время, а его подтверждают. Я имею в виду в особенности диктатуру Кальвина в Женеве в середине шестнадцатого века. Это была теократическая диктатура, главным органом которой была руководимая Кальвином Консистория. Установленный Кальвином режим отличался едва ли не всеми теми чертами, которые мы связываем с тоталитарным государством. Как пишет один современный историк*, Консистория имела задачей как бы заменить индивидуальную совесть общей всем — общественной «сверхсовестью». При режиме единственной партии, замечает при этом тот же автор, всё покоится на доктрине этой партии.

* Favre Dorsaz. Calvin et Loyola. Paris-Bruxelles, 1951.

практически всемогущий аппарат насилия. Но сама идея устранять разногласия посредством уничтожения несогласных и запугивания их террором была примитивно проста. Не менее просто — в принципе — было решение проблемы быстрой индустриализации: подвергнуть население самым тяжелым лишениям, ограничивая потребление, чтобы использовать его труд для первоначального накопления капитала в виде создания средств производства. Необходимо было получать от крестьянства сельскохозяйственные продукты для прокормления растущего городского населения. У крестьян не было достаточных стимулов продавать хлеб, раз они не могли покупать нужные им промышленные продукты. Не имея возможности справиться с миллионами отдельных крестьянских хозяйств, Сталин загнал их в колхозы, несмотря на страшные жертвы, с которыми была связана насильственная коллективизация. Опять-таки в принципе очень простое решение, которое в свое время Ленин решительно отвергал. Эта же политика делала возможным выкачивание из деревни рабочей силы, необходимой для роста промышленного производства. Очень просто решалась и столь важная для «идеократической» власти проблема идеологического оправдания ее мероприятий. Для этого применялся метод произвольного толкования упрощенных формул, к которым была сведена и ранее уже подвергшаяся большому упрощению система идей марксизма. Это истолкование всегда было искажением, но часто оно сводилось и к прямой фальсификации. Возможные сомнения и возражения подавлялись опять-таки насилием. Для различения ересей всякая ортодоксия нуждается в безусловном авторитете, гарантирующем чистоту учения. Сталин сделал себя таким авторитетом и был таковым признан — по крайней мере теми, кто были инструментами для проведения его политики. Во многих из этих исполнителей жили могучие волевые импульсы тоталитарного движения, у них была еще фанатическая преданность доктрине, которую они считали всё объясняющей и всё оправдывающей абсолютной истиной. Другие присоединялись к победителям. Для выполнения задач, которые не требовали особой интеллектуальной квалификации, людей оказалось достаточно. Так сложился огромный аппарат управления, необходимый для тоталитарного государства. В объективных условиях советской действительности такие субъективные предпосылки тоталитаризма как напряженность волеустремления и упрощенный подход ко всем явлениям

жизни, могли сохраниться в течение сравнительно долгого времени.

К моменту революции 1917 года Россия всё еще была страной с очень значительным преобладанием земледельческого населения не достигшей той сложной социальной дифференциации, которая характеризует современное индустриальное общество. «Ликвидация враждебных классов», проведение которой облегчалось их малой численностью, еще более упростила социальную структуру страны. Но Сталин чем дальше, тем больше оперировал даже не реальной, а воображаемой, еще более упрощенной социальной структурой, исходя из фикции трех классов, объединенных созданной преобразованием общества гармонией интересов (по большевистской терминологии, двух классов — колхозников и рабочих и служащих, и «прослойки» — интеллигенции, включающей в себя и различные виды бюрократии). Проблема балансирования различных интересов и стремлений отпадала. Их фактические проявления объявлялись «пережитками буржуазного прошлого» и подавлялись. В то время как велась энергичная работа по устранению безграмотности, уровень среднего и высшего образования значительно понизился на довольно продолжительное время. Увеличивалось число не грамотных и образованных, а малограмотных и полуобразованных (хотя бы и получивших высшее образование) людей. Это защищало от пробуждения критической мысли общеобязательную идеологию, отличающуюся крайним догматизмом и сводимую под эгидой сталинского авторитета ко всё более примитивной форме.

В одном отношении официальная идеология претерпела однако существенное изменение — вследствие внесения в нее ярко выраженного национализма. Я не могу здесь входить в обсуждение сложного и очень спорного вопроса о совместимости интернационализма и национализма, для чего прежде всего было бы необходимо тщательно разобраться в самих этих понятиях. Факт тот, что советская коммунистическая идеология приобрела националистический характер, не отказываясь от своего исконного интернационализма. Мне это представляется естественным следствием стремления советской власти создать не только социалистическое — в ее понимании, — но и могущественное во всех отношениях государство, с населением не только подчиненным определенной догме, но и патриотическим. Социальной революции в Европе не было, ожидавшаяся в первое время после захвата власти

помощь с Запада не пришла. Оставляю в стороне вопрос, было или нет у Сталина намерение развязать войну. Опасность войны существовала, в особенности после торжества Гитлера в Германии. Создание военной мощи было для советской власти необходимо для обороны страны и для ведения активной внешней политики. Часто забывается, что для большевиков это было *их* государство, в целостности и могуществе которого они были кровно заинтересованы. Это наложило печать и на характер проводимой в бешеном темпе индустриализации и на внешнюю политику. Тот враг, в котором были суммированы все враждебные или могущие стать враждебными большевизму силы, — «международный капитализм» — стал в официальной идеологии универсальным врагом не только международного коммунизма, но и советского государства, не только большевиков, но и всех советских людей, как патриотов своего отечества. И тут Сталин (в особенности после войны) мыслил в категориях воображаемой действительности. Следуя правилу «кто не с нами, тот против нас», он видел перед собой только враждебный мир, относя к врагам и те элементы, которые теперь называются «нейтралистскими»*. Как во внутренней, так и во внешней политике мышление Сталина было тоталитарным, что доводило советский тоталитаризм до самого законченного воплощения.

После смерти Сталина обнаружились результаты процессов, которые происходили в стране и при жизни Сталина. Сталин мог их игнорировать благодаря своему абсолютному авторитету и почти что мистическому страху, внушаемому его личностью, а также, конечно, совсем не мистическому страху, внушаемому его террористическим аппаратом. Однако, похоже на то, что в последний год своей жизни он начал чувствовать, что почва стала колебаться под зданием тоталитарной диктатуры, и намеревался укрепить ее посредством новой чистки большого размаха. У преемников Сталина нет его авторитета, и они должны стараться освободить страну от страха, уже для того, чтобы освободить и себя от страха за собственную судьбу. Ограничение власти аппарата принуждения само по себе делало необходимым переход к другим методам управления. Но всего существеннее то, что в отличие от ослепленного своим всемогуществом Сталина, его преемники не могли оставаться нечувствительными к тому давлению, под которым

* Этот вопрос рассматривается в очень интересной статье R. Tucker'a в журнале "Problems of Communism", 1957, № 3.

тоталитарная власть оказалась вследствие перемен, происшедших в стране.

С того времени, когда начался сталинский период, произошло очень большое изменение экономической и социальной структуры страны. Теперь Хрущев твердит, и вся советская печать за ним повторяет, как трудно посредством центральных министерств и ведомств управлять более чем двумястами тысяч промышленных предприятий и сотней тысяч строек. «Коммунист (в номере от 15-го марта) пишет, что «нелепо думать», будто из центра можно «оперативно» руководить десятками тысяч предприятий с первоклассной современной техникой. Но в течение многих лет делалось именно то, о чем, оказывается, и думать нелепо. Другими словами, прежняя «простота» исчезла, и экономика страны стала настолько сложной, что для управления ею прежние, в принципе примитивные, порожденные упрощенным мышлением, методы и формы уже не годятся. Но чрезвычайно усложнилась и социальная структура, в которой образовалась далеко идущая дифференциация. В иностранной и эмигрантской литературе часто говорится о «новом классе», который называют «хозяйственной бюрократией», «технократией» или шире, «государственной буржуазией» и т. д. Но правильно ли говорить об одном вновь образовавшемся классе? Вряд ли можно определить и точно охарактеризовать один такой класс. Происходил и происходит именно процесс дифференциации, расслоения на отличающиеся одна от другой социальные группы. Более тщательное исследование показало бы, что следует разлагать на различные группы и бюрократию разных видов, а, если говорить о «государственной буржуазии», то можно найти «буржуазию» и мелкую и среднюю и крупную. И это всё еще не дало бы полной картины структуры советского общества.

Нынешние «руководители партии и правительства» не могут больше видеть мир так, как его видел (и заставлял их видеть) Сталин, исходя из примитивной типично тоталитарной формулы «кто не с нами, тот против нас». В международных отношениях это приводило к умножению числа врагов, заставляло становиться враждебными все не-коммунистические страны и силы в отдельных странах. В этом отношении в советской внешней политике произошла коренная перемена: нейтралитет уже не отождествляется с враждебностью, а наоборот поощряется и восхваляется*. Упомяну

* Сошлюсь еще раз на статью R. Tucker'a.

только об обнаружившейся необходимости изменений в отношениях между Советским Союзом и его сателлитами. Подробнее же, остановлюсь еще на одном вопросе, который, может быть, будет иметь решающее значение для дальнейшего развития.

Советский Союз больше не является страной людей, в подавляющем большинстве малограмотных или в лучшем случае полуобразованных. Имевший место после революции упадок среднего и высшего образования был преодолен. Советская индустрия должна была усваивать современную технику, предполагающую хорошо подготовленных, то-есть образованных, техников и квалифицированных рабочих с более высоким, чем прежде, уровнем образования. Качество образования повысилось, вероятно, довольно значительно (за исключением общественных наук), а количество студентов возросло прямо-таки колоссально. В 1914-15 учебном году в высших учебных заведениях училось 112 тысяч студентов, а в 1955-56 их было 1867 тысяч — почти в семнадцать раз больше! За тот же период число высших учебных заведений возросло с 91 до 765, а число технических и других специальных средних учебных заведений с 295 до 3753, число же учащихся в этой категории средней школы с 36 тысяч до 1960 тысяч, то-есть почти в 55 раз.

«Нелепо думать», будто из одного центра можно успешно управлять десятками тысяч современных промышленных предприятий. Не менее, если не более, нелепо думать, что из одного центра можно формировать мышление миллионов молодых людей, вошедших в соприкосновение с науками, основанными на наблюдении, эксперименте, точном вычислении и критическом анализе. Правда, преподавание общественных наук целиком подчиняется официальной догме, но и это перестает останавливать пробуждение критической мысли. По многим рассказам можно думать, что это пробуждение стимулируется изменением общей умственной атмосферы в учебных заведениях и научных учреждениях. В результате становится невозможным безнаказанно говорить новому поколению всё, что угодно. Приведу один пример. Преемники Сталина провозгласили возврат к Ленину. Чтение произведений Ленина поощряется, становится более или менее обязательным. Возьмем теперь такой больной вопрос как о преимущественном развитии тяжелой промышленности, ограничивающем потребление. Это изображается как «основной закон социалистического развития», будто бы формулированный

Лениным. И в хрущевских тезисах и в его докладе о перестройке управления промышленностью говорилось о «ленинском курсе на преимущественное развитие тяжелой индустрии». В учебнике политической экономии, вышедшем в 1954 году приведена соответственная цитата со ссылкой на раннюю работу Ленина «К характеристике экономического романтизма», с указанием страницы. Что же там найдут те, кто читает Ленина? Они увидят, что Ленин говорил об этом «законе развития» как о противоречии, вытекающем из самой сущности капитализма, а не как об «основном законе» социализма. Сейчас есть уже достаточно думающих читателей, которые поймут, что имеют дело с чудовищной фальсификацией. А такие фальсификации стали необходимыми, потому что в обязательной доктрине нет уже буквально ничего, что можно привести, как идеологическое обоснование мероприятий тоталитарной политики. Нет ничего, что давало бы ответы на вопросы, возникающие в новых условиях жизни страны. Налицо несомненное банкротство идеологии, которое не может на долгое время оставаться неосознанным.

Изменившиеся объективные условия не допускают прежних упрощенных подходов. Через сорок лет после революции нет больше и того фанатического волеустремления, которое было залогом торжества тоталитарного движения. Тоталитарный централизм становится всё менее совместимым с усложнившейся структурой страны. Предпосылок удавшегося тоталитаризма больше нет, и его бремя стало непосильным для власти. Это положение я считаю правильным характеризовать как кризис тоталитаризма.

Ю. Денике